ХХ ВЕК В НАШЕЙ ПАМЯТИ

В новой рубрике редакция «Нового исторического вестника» начинает публикацию воспоминаний наших соотечественников, чья жизнь стала частью истории России в XX веке. Детские впечатления, жизнь родителей, учеба в школах и вузах, труд в промышленности и сельском хозяйстве, работа в государственных и партийных учреждениях, комсомоле и профсоюзах, служба в Вооруженных силах и милиции, участие в войнах и выполнение «интернационального долга», пребывание в лагерях и тюрьмах, утраченные облик и традиции наших городов и деревень, повседневность, быт и нравы, поездки по стране, встречи с интересными людьми и многое-многое другое словом, все, что бережем мы в своей памяти для себя и своих близких, необходимо сохранить для потомков и историков.

Ценность воспоминаний далеко не всегда зависит от должностей, которые занимали авторы. Свидетельства «простых» людей часто превосходят мемуары знаменитостей искренностью, наблюдательностью, знанием подлинной народной жизни и литературными достоинствами.

Приступая к ответственному и крайне нужному делу собирания и публикации именно такого рода «частных хроник», мы приглашаем Вас, наши читатели, Ваших родных и близких, независимо от возраста, социального положения и политических пристрастий, поделиться воспоминаниями о том, что довелось Вам пережить вместе с нашей страной в XX веке. Мы также призываем владельцев мемуаров, полученных от своих родных по наследству, передать их нам для публикации: к сожалению, жизнь неопубликованных рукописей подвержена опасностям и редко бывает долгой. Мы, историки, знаем множество случаев, когда от досадных и трагических случайностей гибли и терялись навсегда ценнейшие человеческие документы.

Вы можете присылать воспоминания на адрес редакции «Нового исторического вестника» в том виде, в каком Вам будет удобнее: машинописном, на магнитных носителях или в рукописи. Их редактирование и сокращение, а также комментарии к ним перед публикацией будут согласованы с Вами. Авторам или владельцам воспоминаний, которые будут опубликованы на страницах нашего журнала, редакция выплатит гонорар.

ГОРЬКИЕ РАДОСТИ

Родилась я в Москве, в 1926 г., в замечательном месте - Новоспасском монастыре. Территория монастыря была очень красивая, там были большой фруктовый сад и пруд с карасями. Но к моменту моего рождения монахов в монастыре уже не было, а была тюрьма, и территория частично была разрушена и перестроена. В трапезной была столовая, а в братских корпусах – камеры. Могилы Романовых тоже были вскрыты, то есть были новые хозяева и вели они себя как новые хозяева. Помню, когда вскрывали могилы, мы, дети, прельстившись красивыми лоскутками саванов, расшитых золотым позументом, потихоньку стащили несколько кусочков и играли с ними до самого вечера. Когда же пришло время возвращаться домой, мы взяли их с собой. Это был первый случай, когда родители меня наказали так сурово.

Мой отец был работником Наркомата внутренних дел² - охранял заключенных³. В Москве было плоховато с жильем, и поэтому работники Наркомата со своими семьями жили на территории тюрьмы. Мы прожили там до 1930 г., а потом нас перевели на Большую Екатерининскую. Дом, куда мы переехали, принадлежал хозяину, у которого были: деревянный одноэтажный дом в пять комнат с водопроводом и печным отоплением, фабрика, где делали бельевые пуговицы и ложки, был дворик с хозяйственными постройками и сад с яблонями, вишнями, сиренью, жасмином и другими деревьями. В саду высаживали цветы: душистый табак, левкои, львиный зев, бегонии.

Этим хозяевам оставили две комнаты, а во всех остальных построй-ках сделали комнаты, и вместо одной семьи стали жить тринадцать семей самых разных национальностей. Хозяин был немцем, были и итальянцы, евреи, русские, белорусы, латыши... Народ разный, но дружный. Даже хозяева этого дома, у которых отобрали часть жилья - тогда это называлось уплотнением, - вещи и ценности (все добро вывозили возами), как-то не озлобились, и не было ни вражды, ни ненависти.

Тогда не было ни радио, ни телевидения, но было кругом очень много всего интересного. Напротив нашего дома был парк ЦДКА, 4 а напротив парка — стадион «Профинтерн», 5 совсем недалеко от нас - Уголок Дурова. Летом играла музыка на танцплощадке в парке, а зимой музыка на катке. Вся ребятня целые дни пропадала на улице. Были дворы и жили дворами. Сколько было разных подвижных и спокойных игр: прятки, двенадцать палочек, 6 штандер, 7 лапта, 8 мячик, прыгалки, классики. Я очень любила играть с мальчиками в расшибалочку 9 и ножички. Еще запускали змеев и монахов. Была во

дворе голубятня. Иногда нам давали махало, чтобы поднять стаю в небо - это было большое счастье. Голуби были очень красивые и летали очень красиво. Играли в куклы. У каждой семьи был свой дровяной сарайчик, и летом некоторые в них спали, а ребята устраивали свои уголки с игрушками, как бы свои квартиры, и ходили друг к другу в гости.

А какие были летние дожди! Когда шел дождь, ребята выбегали из домов и прыгали от радости и кричали: «Дождик, дождик, пуще, дам тебе гущи», шлепали по лужам и радовались. Хозяйки выносили на улицу цветы, чтобы промыть их под дождем, подставляли тазы и ведра под водосточную трубу, чтобы помыть голову, вода была мягкая, и волосы после мытья становились шелковистые. Летние дожди не были бедой, а были радостью, помоему.

Когда люди радуются — это счастье. Денег, как всегда, не было, и поэтому все, за что нужно было платить, проходило мимо, но это не было большой бедой. Мы как-то радовались, потому что имели возможность наблюдать, хотя и не участвовали.

В то время в Москве было много китайцев, которые работали в прачечных. Считалось, да это так и было, что белье, постиранное в их прачечных, всегда отличалось особой чистотой. Кроме стирки, они делали игрушки из цветной бумаги, очень яркие и красивые, — «уйди-уйди», ¹⁰ трещотки, вееры, мячи из опилок и бумаги на резинке. Купить что-либо из этого мы не могли, а вот поменять на пустую бутылку можно было. Мы находили бутылки из-под керосина, долго отмывали с песком, а когда приходили коробейники, выбирали себе, что больше нравилось.

Мы радовались всему и не пропускали удачи. В летнее время в парк вход был платный, но ребята проходили бесплатно и часами стояли вокруг танцплощадки, наблюдая за танцующими. Было очень красиво: хорошо одетые люди кружились в танце, и от них шло какое-то излучение добра и изящества. А когда танцующие уставали, они выходили погулять по парку, им давали контрамарки, чтобы вернуться обратно, а они отдавали их нам, и мы с большим достоинством входили на площадку, садились на лавочку и были счастливы.

В парке кроме танцплощадки было еще много интересного. Зеленый театр (по билетам), лекционная площадка, беседка с настольными играми, читальня, открытая эстрада, футбольное поле (зимой на нем заливался каток), теннисный корт, лодочная станция и карусели на воде.

В Самотечном сквере, напротив гостиницы ЦДКА, была разбита круглая клумба, и вокруг нее катали ребятишек на слоне и верблюде из Уголка Дурова. На спинах слона и верблюда укрепляли корзины и сажали по два человека с каждой стороны. Прокатиться ни разу не удалось, но смотреть на это было очень интересно. Был у нас знакомый дрессировщик из Уголка Дурова, и нас бесплатно пускали на представление. Сколько раз мы смотрели мышиную железную дорогу, сосчитать невозможно! Это было необыкновенно интересно, когда к вокзалу подходил поезд и из него выбегали белые мышки, садились в вагончики так, что у кого-то торчала из окна мордочка, у

кого-то хвостик, они ехали на юг, наступала ночь, начиналась гроза, сверкала молния и гремел гром, потом гроза утихала, наступал рассвет, поезд останавливался у вокзала, и мышки бежали в него.

Ходить по зверинцу и смотреть на этих умных животных было огромным удовольствием. В то время было много разных бесплатных мероприятий (почему-то мне кажется, что существовал какой-то «культурный налог» и в счет этого были разные приглашения на концерты, спектакли, елки).

В один год мне дали билет на елку в Колонный зал. Какая это была елка! От раздевалки на второй этаж по обеим сторонам лестницы стояли ряженые: звери, птицы, клоуны, зазывалы; все это - яркое, красочное. В фойе много разных аттракционов, горки, игры, хороводы, выступления артистов. Потом нам велели взяться за руки, и мы пошли в полутемный зал, где стояла елка. Мы шли хороводом вокруг нее и кричали «Елочка, зажгись!», и она зажглась множеством разноцветных огней. На ней висело много-много игрушек, и она кружилась, и мы кружились вокруг нее; это был хоровод радости и большого счастья.

Наша улица по своей планировке напоминала букву «Z», и на изгиб улицы часто приезжал грузовик с артистами, открывали борта, и начинался концерт или кукольный театр показывал свое представление. Потом они ехали дальше, а мы разбегались по своим дворам. Готовили и свои спектакли. У нашего дома было крыльцо, и из него делали сцену, наряжались в одежду взрослых. Зрителями были ребята из соседнего двора.

Все лето ходили босиком. Когда нашу улицу заасфальтировали, асфальт некоторое время оставался мягким, и наши стопы отпечатывались на нем. Мы были очень самостоятельные, и нас посылали в магазины за покупками. По одному не ходили, всегда отправлялись вдвоем — втроем.

Но иногда эта самостоятельность выходила боком. Как-то в один из зимних дней дома закончилось масло, да и деньги тоже. Мама заняла у соседки и послала меня в палатку за маслом. Палатка находилась от нас в одной трамвайной остановке пути. Я зашла за подругой, и мы отправились, но почему-то не в палатку, а в Марьинский мосторг, 11 располагавшийся в пяти остановках от нашего дома. В Мосторге на первом этаже, справа от входа, располагался отдел посуды. Красоты она была необыкновенной, мы часто ходили смотреть на нее. А еще там продавали статуэтки. Денег было мало, и их хватало только на статуэтку с ладошку (казачок, танцующий вприсядку). Мы, долго не думая, купили этого казачка и пошли домой. Перед самыми воротами нашего двора я упала и отбила ручку у этой статуэтки. Пришли домой, конечно, без масла и с разбитой статуэткой. Но все обошлось: немного поругали, приклеили ручку черным хлебом, и этот казачок до сих пор живет в нашем доме

Посылали нас за хлебом и молоком. Очень любила ходить в керосиновую лавку. Там стоял замечательный запах: керосина, денатурата, жидкого мыла, каустика, мочалок, гуталина. Около лавки стояла моссельпромщица ¹² с лотком конфет. Продавали конфеты поштучно. На сдачу от керосина можно

было купить ириски — они были самые дешевые. Пределом мечтаний была шоколадная бутылочка с ромом, но это была очень дорогая покупка. Еще запомнилось замечательное мороженое: две круглые вафли, между ними мороженое, а на вафлях тисненые имена. Мы ели мороженое, и если имя на вафле совпадало с твоим собственным, это была особенная радость.

Когда на углу нашей улицы поставили палатку с газированной водой, мы потеряли покой. Не очень хотелось пить, а доставляла удовольствие вода с газом, который бил в нос.

Во всем существовал какой-то свой особый порядок. Какие замечательные были дворники, в белых фартуках с бляхой на груди - это были настоящие начальники своего участка. Они вставали рано, и ко времени, когда люди шли на работу или в школу, все было вычищено и подметено. Зимой снег счищали скребком до асфальта, везде были прочищены проходы, сделаны стоки для воды, посыпано песком. Милые, добрые, хорошие люди! Им было очень тяжело, но они делали это все с душой.

Когда в саду распускались цветы или созревали вишни и яблоки, то их, не сговариваясь, никто никогда не рвал, а ждали, когда Василий Карлович, бывший хозяин всего великолепия, нарежет сирени или жасмина, наделает букетов и раздаст жильцам. Также было и с яблоками и вишнями.

В то время было мало телефонов, и поэтому общались только при встрече, когда ходили друг к другу в гости. Холодильников не было, и продукты впрок не покупали. И когда внезапно приходили гости, хозяева шли в магазин, покупали сырку и колбаски: в гастрономе все это тонко порежут, оставалось только разложить на тарелки - и готово. А когда звали гостей, то готовили нехитрое угощение, но от души. Когда не хватало посуды, можно было зайти к любому соседу и попросить, чего не хватало для сервировки: тарелки, рюмки, вазочки, вилки, ножи. В просьбе не отказывали: сегодня понадобилось мне, а в другой раз я выручу их.

Выручали не только посудой, но и одеждой. Для похода в театр могли одолжить нарядную одежду или даже обувь.

В праздники пекли пироги. Духовка была одна, устанавливали очередь и обязательно угощали всех соседей.

В людях было много добра и щедрости. Мне как-то всегда везло на хороших, добрых людей. В 1933 г. была карточная система¹³. И в ноябре отец взял карточки (он должен был получить зарплату и отоварить карточки в закрытом распределителе), но домой не вернулся – его арестовали.

Так я стала дочерью врага народа, и многие от нас отвернулись.

Мы остались без всего, а перед этим зимние рамы хотели вставить, а они упали и все разбились. А у нас четыре окна, дрова тоже не успели завести. Но нашлись хорошие люди, которые нам помогли. Василий Карлович помог вставить стекла, завез дрова, мамины сестры (их было четыре) по очереди кормили нас, пока мама не устроилась на работу. Родители моей подруги Нины брали меня летом на дачу. А одна из наших соседок, бывшая купчиха, каждое лето по окончании школы покупала мне башмаки.

Одеты мы были просто, в ситцевые и сатиновые платья. Одежду больше шили или перешивали из ношеных вещей. В то время были в моде «матросские» воротнички, платья и костюмчики из шерсти и сатина, которые шили в виде матроски. Обувь носили простую: покупали тапочки, туфельки, полуботинки из парусины на кожаной или резиновой подошве, чистили их зубным порошком, а иногда гуталином, и они смотрелись, как кожаные. В жаркое время ходили босиком, когда было холодно и сыро — в ботинках с галошами или в ботах, зимой носили валенки.

Когда отменили карточки, ходили в магазин, и это было великолепно! Тогда колбаса не лежала на прилавках, как дрова, а висела на крючках. Висели окорока, копченая рыба, и витал чарующий запах. Рядом располагалась булочная, где продавался хороший душистый хлеб, разные баранки, сухари, сушки.

Дома питались скромно, излишеств не было. Супы, каши, рыба, картофельные котлеты, иногда мясные пироги, чай из самовара, конфетыподушечки, баранки, сухари. А когда, не дай Бог, заболеешь, варили куриный бульон и покупали фрукты. Сейчас, когда пожилые люди просят у продавца кусочек получше для больного, это выглядит чем-то таким далеким, когда для больного готовили лучшее, чтобы поправить его здоровье.

Зимой тоже было очень интересно. Зимы приходили холодные и снежные. Самым доступным удовольствием были санки. На них большую часть времени проводили на улице или в коридоре. Ставили их к печке, садились и рассказывали разные истории.

Был у меня один конек — «английский спорт» - и веревочки с палочками к нему, чтобы привязывать его к валенку. На каток не ходила, а каталась вдоль забора парка. За забором горел свет и играла музыка, а на улице - мы со своими коньками на валенках, и нам было хорошо и весело.

Снег с проезжей части нужно было убирать во двор. Дворники делили кучи снега на части, и каждой семье выделялась своя часть, которую нужно было свезти во двор. Это была наша работа, тяжелая, но нам нравилось. Это было похоже на игру, и выполняли мы эту обязанность с удовольствием. Все это делали после занятий в школе или в выходные дни.

Школа у нас была очень хорошая. Со 2-го класса нас перевели в школу-новостройку. Велись у нас кружки: хоровой, драматический и еще много самых разных. Я ходила в хоровой кружок; мы выступали перед ребятами, а в праздники ходили к шефам и выступали перед ними. Была у нас и пионерская комната, в ней иногда устраивали «костер». В середине комнаты клали поленья, в них прятался вентилятор, лампочка и красные тряпочки, и создавалось впечатление костра. Дружина усаживалась вокруг этого «костра» и проводила свои собрания.

Ходили зимой в театры и музеи со школой.

А еще нам давали немного денег на выходные дни, и мы шли в кино. Фильмов тогда выходило мало, и некоторые из них смотрели по несколько раз. Кинотеатры наши были: «Экспресс», «Экран жизни», «Форум», «Уран», «Хроника». Сейчас этих кинотеатров уже нет, а жаль, они были маленькие и

очень уютные. В фойе кинотеатра перед каждым сеансом играл джаз-оркестр и пели артисты. Были библиотеки, где можно было почитать газеты, журналы, поиграть в шахматы и шашки. И были замечательные буфеты; часть столов была накрыта, на столах стояли вазы с фруктами и пирожными, вода в бутылках. Посетители садились за столик, и их обслуживали официанты, но можно было и самим купить в буфете бутерброды, конфеты или воду.

Очень много воспоминаний связано с ЦДКА. В левом крыле этого красивого дома на первом этаже располагался музей Красной армии. В середине находился главный вход, перед которым стояли пушки, а внутри столько всего! Но пройти туда было трудно: пускали только в сопровождении военного. И мы иногда часами стояли у входа и упрашивали проходивших мимо людей в военной форме: «Дяденька, проведите!» Иногда у кого-нибудь из них не выдерживало сердце, и нас брали. Вот тут была радость! Внутри было много комнат для занятий военных, но нам была нужна только та красота, которая стояла в музее. Когда поднимались по белой мраморной лестнице с красивой ковровой дорожкой, захватывало дух. На втором этаже было много залов с картинами и красивыми вазами на подставках, а также до блеска натертые воском полы. Там же стояли и первые телевизоры. Они представляли собой высокие ящики с маленькими экранами. На все это великолепие можно было смотреть и смотреть.

Я жила в такой среде, где мы были примерно все равны и в одежде, и в материальных возможностях. Поэтому мы не испытывали ни зависти, ни злобы, и у нас была хорошая бескорыстная дружба. Летом 1939 г. моя бабушка, мама моего отца, уговорила своего младшего сына взять меня на лето в деревню. Дядя и его жена работали учителями. У них было трое детей – два сына и дочь. Жили они в деревне Десятины Калининской области. По теперешним временам это не так далеко от Москвы, а тогда мы ехали до Лихославля, потом пересаживались на другой поезд до Старицы, и потом до деревни на лошади 25 километров. Но это лето осталось в памяти на всю жизнь.

Деревня была большая, и разделялась она как бы на две части прудом. Дом дяди стоял на пригорке, на берегу пруда. Перед домом был разбит большой фруктовый сад и посажен огород. В саду под яблонями стояли ульи. Было большое хозяйство: корова, овцы, свиньи, куры, гуси. Как учителям, дяде и его жене полагалась казенная лошадь. Тогда работали на трудодни, и учителям за их работу тоже начисляли трудодни, и осенью им привозили зерно и гречку. В районе выращивали гречку и лен. Старший сын ходил летом в колхоз подрабатывать, и ему тоже полагалась какая-то доля.

Все лето молодежь работала в поле, а вечером выходили на улицу и шли к «пятачку», который находился в середине деревни. Шли с гармошкой и балалайками, пели частушки, а на «пятачке» были лавочки. Садились на них, и начиналось гулянье с песнями, частушками и плясками с дробью. Малышня в круг не допускалась. Дети сидели на земле за лавочками, а я (как москвичка) сидела на лавочке в кругу. Дядя очень любил петь, и иногда мы садились на крыльцо всей семьей и пели. Как это было здорово!

Рано утром раздавался звук пастушьего рожка и щелканье кнута, — это пастух давал знать, что пора выгонять скотину, а в середине дня женщины шли на полдни. ¹⁴ Шли в белых платочках с ведрами и баночками с маслом, чтобы смазывать соски. Вечером, когда гнали скотину обратно, хозяйки выходили встречать своих кормилиц.

Бабушка вставала очень рано, доила корову и затапливала русскую печь, ставила в печь обед на целый день. Варила в чугунах первое, второе, кашу, топленое молоко. Тепло сохранялось долго, и поэтому подогревать не было нужды. Доставали чугуны ухватами разной величины. Пекли хлеб. Закваску брали друг у друга. Большие круглые хлеба клали на капустные листы и на большой деревянной лопате отправляли в печь, а когда хлеб был готов, его доставали и клали на белое полотенце, расстеленное на лавке, обрызгивали водой и накрывали сверху полотенцем. Хлеб получался мягкий, душистый и очень вкусный.

В огороде росли все овощи, так что покушать почти ничего не покупали. Ходили в магазин в соседнюю деревню за конфетами-подушечками, селедкой, макаронами, подсолнечным маслом, керосином для лампы (электричества в деревне не было), солью, спичками и сахаром (колотым).

Когда подходила пора качать мед, доставали медогонку¹⁵ и начинали качать; мед вытекал желтый, душистый, густой, тягучий, ароматный. Ставили самовар и пили чай с хлебом и медом. Очень нам нравилось есть свежие огурцы с медом. Резали огурец вдоль и поливали его медом. Бабушка пекла медовые лепешки. Сажали на огороде бушму¹⁶ (для скота), а нам она очень нравилась: сбегаешь на огород, вырвешь из земли, очистишь и ходишь, грызешь. В пруду водилось много карасей, ловили их сетями, а потом чистили и запекали в сметане.

Устраивали банные дни и мылись в печке. Когда печка остывала, отодвигали заслонку, стелили солому, наливали воду в тазы, залезали внутрь печи и мылись. Бабушка была высокая, полная, ходила в широкой сатиновой юбке, широкой кофте, в фартуке, и все лето босиком. У нее это мытье очень хорошо получалось. Я попробовала, но у меня не вышло: вылезла вся в саже.

А какое удовольствие было поваляться на сеновале! В саду стоял сарай с сеном. Сено душистое и колючее, а если постелить какую-нибудь одежку и лечь, становилось мягко и очень удобно.

Все было хорошо и мирно в июне 1941 г. Получили свидетельство об окончании семилетки. Стали на распутье — что делать дальше? Идти в восьмой класс или техникум? Но за нас все решил Гитлер.

22 июня объявили о начале войны, и сразу все изменилось. Мы были очень деятельные и сразу принялись активно действовать, чтобы скорее победить. Стали образовываться дружины, которые дежурили у своих домов с противогазами. Смотрели, чтобы не прошел какой-нибудь чужак и навредил жителям. Когда происходили налеты на Москву, дежурили на крышах домов, чтобы в случае попадания на крышу зажигалок, ¹⁷ сразу их гасить. Ходили в военкомат, и нам доверяли разносить повестки. А в сентябре пришли мои школьные подруги и сказали, что на заводе пожарных машин берут учеников

сварщиков, мы, конечно, побежали. Нам было по 15 лет, и нас взяли. Так началась наша трудовая жизнь.

Работали по 8 часов, а когда исполнилось 16 лет, стали уже работать по 12 часов. Выходных не было, а была пересменка, то есть одну неделю работали день, другую - ночь, а потом менялись сменами.

Сентябрь прошел быстро, работа бывала разная, а когда в середине октября немцы подошли близко к Москве, началась паника. Люди стали покидать Москву. Где-то числа 16 октября нас оставили на ночь, и из пожарных машин делали грузовики, чтобы помочь людям уехать и увезти вещи. Работали мы в филиале завода на Красной Пресне, а сам завод находился на Миусской площади. Утром нам сказали, что завод эвакуируется в Свердловск, поэтому нужно получить деньги, собирать вещи и уезжать. Когда мы подошли к улице Горького, то испытали ужас. По улице шли люди с узелками, корзинами, скотом. Шли молча, угрюмо, и было как-то горько и обидно за себя, за людей, но не было отчаянья, а была какая-то злость и уверенность в хорошем.

На завод нас не пустили, а пустили в клуб. Вход в него был с улицы. Народ стоял у проходной завода. И когда открылись ворота и выехал грузовик, в котором сидел директор, народ решил, что он бежит, бросив все. Набросились на него, вытащили из машины, избили. В клубе выдавали деньги, но, как и во всем в этот день, не было порядка, деньги выдавали на слово, и за некоторых уже кто-то получил. Паника есть паника. Нам выдали деньги, по пуду муки и по 400 гр. конины. И я, девочка 15-ти лет, все это принесла домой. Сейчас трудно себе представить, как это все можно было дотащить. Когда я пришла домой и сказала маме, что нужно собираться, мама ответила: «Мы никуда не поедем. Уйдем из Москвы вместе с войсками». У мамы на этот случай был собран узел с какими-то вещами.

Каждый день мы ходили к заводу, и через несколько дней, когда стало ясно, что немецкие войска остановлены, нам сказали, что завод начинает работать и можно выходить на работу. Заводу дали номер, и мы стали выпускать военную продукцию.

Но до того, как выйти на работу на завод, нас направили на копку противотанковых рвов. Конец октября выдался очень холодным, валил снег. Начинали копать рвы (трудно представить себе, какая Москва была маленькая) за церковью Всех Святых у метро Сокол в селе Всесвятское, потом в Тушино и Трикотажной. Когда копали в Тушино, недалеко от деревни, жили в ангаре. Там были настланы нары, и все спали в одежде вповалку. На работу ходили через большое поле и маленькую речушку. Поле было белое от снега, а речушка замерзшая, ходили по льду.

В один из дней начался большой налет немецких самолетов на Москву; самолетов было очень много, и народ дрогнул. Выскочили из окопов и побежали прятаться в деревню. Это тысячи людей! Но хорошо, что все хорошо закончилось. Немцам было не до нас, у них была другая цель, – Москва.

Нас отпускали домой на один день — банный. В последних числах октября меня отпустили домой, и приехал мой двоюродный брат. Я была очень рада видеть его. В 1940 г. брат окончил спецшколу, и его направили в Ленинград в артиллерийское двухгодичное училище и должны были выпустить старшим лейтенантом. Но опять «но» - война! И их выпустили лейтенантами, направив в Москву. На Воробьевых горах формировалась часть. После этой встречи я уехала на окопы, а он отправился в свою часть. И вот тут произошло страшное. В Колиной части проводились учения. Бросали боевые гранаты. Сержант бросил гранату, и она не взорвалась. Сержант поднял ее и принес брату показать. В этот момент граната взорвалась. Погибли оба.

Это была первая горькая, страшная потеря. Когда я приехала домой в следующий раз, мне сказали, что Коли больше нет. Похоронили Колю на Пятницком кладбище в Москве с воинскими почестями, поставили ограду. Солдаты взяли ее из Парка культуры и отдыха. И до сих пор на нас с памятника смотрит молодой лейтенант с двумя кубиками в петлицах. 18

Потом было еще много потерь. Погиб еще один мой брат и дядя, с которым я так хорошо провела лето под Ржевом, умерла бабушка от ран. Погибали друзья и школьные товарищи, но это потом, а эта потеря была первая, горькая и страшная по своей нелепости.

По окончании рытья окопов мы пошли работать на основной завод на Миусской площади. Я стала учеником токаря. Работали, в основном, ребята и женщины, мужчин было мало, все ушли на фронт. Осталось несколько специалистов, которые должны были нас научить работе на станках. Приходили совсем еще юные рабочие. Один мальчик пришел, ему было лет 14, и у него висели в рукавах красные варежки на резинках, чтобы не потерял. Были и такие маленькие, что не доставали до станка, и им делали высокие подставки, на которых они стояли. Учились быстро. Нужно было как можно больше сделать деталей, чтобы скорей победить врага. Нас в смене было, наверное, человек 60, и все маленькие, сразу как-то повзрослевшие. Подходили к делу с большой ответственностью. Мастер (у него была бронь 19) очень тепло и с большой душой подходил к нам. Ему было тоже очень тяжело справляться с этим «детским садом».

Уже начиная с декабря стали ощущать голод; того, что давали на карточки, ²⁰ не хватало, да и из этих талонов нужно было выделять на столовую, чтобы купить обед. Давали и дополнительные талоны на обед, но их было мало. Сейчас я понимаю, как было тяжело нашему мастеру. Талонов давали штук десять, а нас - шестьдесят, и все смотрят голодными глазами. Я вспоминаю, как мы затихали и ждали мастера. Но он был справедливый человек, и если ты на этой неделе получил талон, то уже второй не дадут, а мы все равно ждали. Одежда стала как-то быстро приходить в негодность, да и вырастали из нее очень быстро. Доставали какие-то телогрейки, шили бурки из старых пальто, покупали на рынке поношенные галоши. Иногда давали ордера на какую-нибудь ткань, давали парусиновую обувь на деревянной подошве для работы у станка.

Зимой в цеху было очень холодно, ставили в цехах железные печки, выводили трубы в окно и топили разными отходами. Часто в ночное время отключали электричество, и тогда мы все собирались у этих печек и пели песни, иногда по целым ночам. Но как бы ни было трудно, работа была на первом плане, и мы очень старались. Точили трубочки стабилизаторов для мин, валы для минометов, валы для «Катюш», ²¹ сверлили и нарезали резьбу в гранатах-«лимонках» ²² и делали еще много разных деталей.

Москва была хорошо защищена. Вечером девчушки в солдатских шинелях шли с аэростатами²³ (их где-то заряжали газом), чтобы ночью на тросах поднять их в небо и создать таким образом заграждение от самолетов. Было много прожекторов, и там тоже работали девушки. И зенитками управляли девушки. Когда объявляли воздушную тревогу, мы бросали работу и шли на крышу дежурить. Если прорывался немецкий самолет в Москву, он мог сбросить зажигательную бомбу. И мы следили за этим. На чердаках стояли ящики с песком и щипцы. Нужно было взять бомбу щипцами и сунуть ее в песок или сбросить на землю. Москва была постоянно затемнена. А во время налетов прожекторы шарили по небу, отыскивая самолеты, а когда находили, скрещивали свои лучи в этом месте и таким образом ослепляли летчиков и вели ослепленный самолет, а зенитчицы делали свое дело, пуская по нему снаряды. Было страшновато и радостно, что нас защищают.

Стали образовываться комсомольско-молодежные бригады. Я подала заявление в комсомол, и тут меня ждало разочарование. Когда меня вызвали на комиссию и спросили про отца, я ничего не скрывала, а когда спросили, как я отношусь к тому, что он арестован по 58-й статье 24 , я, конечно, сказала, что он осужден несправедливо, так не должно было быть. Но председатель комиссии, член ВКП(б), сказала: «Как же ты можешь сомневаться в справедливости нашего суда!» И меня не приняли. Дали мне испытательный срок на год, чтобы я все осознала. Мне было очень обидно, но я от своего не отступила, мнения своего не изменила, и через год меня все же приняли в комсомол. Я была очень активная, и меня даже выбрали в комитет комсомола завода.

Помимо работы на станке, у нас было много разных поручений. Работали по 12 часов, а после ночной смены шли дежурить в госпиталь. Помогали нянечкам, писали письма за раненых их родным. Но что было самое трудное, так это кормить раненого, который сам не мог есть, кормить солдата, а самой чуть не терять сознание от голода, - но и это вынесли.

Были и тяжелые работы: приходилось разгружать баржи с дровами для котельной завода. Сил было мало, и таскать тяжелые сырые поленья было трудно. Мы вставали цепочкой и передавали по цепочке друг другу — так было легче. Надо сказать, что все мероприятия проходили после ночной смены. Устраивали для нас разные соревнования: кросс, военную подготовку с противогазами и ползаньем по-пластунски. На лыжах ходили вокруг райкома партии, который располагался напротив нашего завода, и по Миусской площади. Идти на лыжах было тяжело, шли не по лыжне, а по дороге, поэтому все время падали, но пройти нужно было обязательно.

Молодость есть молодость, хотелось сходить и в кино, и в театр. Миусская площадь - недалеко от площади Маяковского, а там было много театров и кинотеатр «Москва». Театры в начале войны работали днем, так как Москва находилась на осадном положении. Брали билеты и после ночи на заводе шли в театр, но между сменой и театром было время, а домой зайти не успевали. Шли подремать в метро, но иногда так хотелось спать, что половину спектакля или концерта продремешь. В летнее время после ночи ехали на Водный стадион и целый день проводили там, а вечером опять на работу.

Были у нас и праздники. Устраивали складчину и собирали стол с танцами под патефон. Много было разного - и веселого, и горького, и обидного, - но была какая-то уверенность, что все скоро кончится и начнется хорошая и счастливая жизнь. С каждым годом мы взрослели, набирались опыта, умения и уже в 1943 г. некоторых из нас перевели в токари-универсалы, и многие из нас за хорошую качественную работу получили свое клеймо — работу сдавали без предъявления ОТК. 25 Мы так гордились тем, что нас оценити!

Было очень трудно, но мы везде успевали: ходили в драмкружок, ставили свои спектакли, занимались в хоре. Не было унынья, а была уверенность в том, что мы все делаем правильно.

В 1944 г. меня наградили медалью «За оборону Москвы». ²⁶ Сколько было радости и гордости! Я ходила окрыленная, и медаль не хотелось снимать.

В 1944 г. пришло письмо от отца: его освободили. Он был осужден на 10 лет, но по 58-й статье не отпускали до конца войны, и считалось, что он был освобожден досрочно за хорошую работу и поведение. Но радость была недолгой: отцу не разрешали жить ни в одном областном, ни в одном столичном городе. Он остался в Дудинке и стал нам немного помогать. Жизнь продолжалась, и все пошло своим чередом.

Наши мальчики ходили в военкомат и просили отправить их на фронт, но их не брали: они очень нужны были в тылу, а без того, что делали мы, на фронте было нечего делать — мы отдавали все фронту. Была подписка на заем, и члены партии и комсомольцы должны были подписываться на два оклада, то есть два месяца в году работали бесплатно. ²⁷ Отпуска тоже не давали, а давали справки, по которым после войны мы должны были получить деньги. Но тут подходил очередной призыв собирать деньги на самолет или танк. Мы отдавали деньги, облигации, справки, чтобы собрать нужную сумму. Мы делали это с радостью и гордостью, что мы, кроме своего труда, могли чем-то еще помочь фронту.

Когда мы работали ночью, то каждое утро шли на второй этаж нашего цеха. Там было установлено радио, и мы слушали, как идут дела на фронте. Каждое наше поражение отражалось горестной складкой в нашем сердце, а Победу праздновали вместе со всеми. Кричали от радости и счастья.

Когда проводили пленных немцев по Москве 28 , мы работали в дневную смену. Так как улица Горького была от завода совсем близко, то мы по-

бежали в обед посмотреть. Зрелище было угнетающее. Немецкие генералы шли впереди, а за ними остальные пленные, рваные и грязные. Шли молча, и москвичи, которые стояли по обеим сторонам улицы, тоже молчали. Мы смотрели на эту колонну немцев, и было горько и обидно за то, что происходит, за погибших, за изуродованных, за искалеченные жизни, за отнятое детство, за горе матерей, которые потеряли детей на фронте, за детей, которые потеряли своих отцов, за женщин, которые отдают все свои силы для Победы, остались без своих мужей, девушки - без женихов. За что все это?..

В начале 1945 г. уже чувствовалось, что Победа близка, и мы все ждали этого радостного дня. Мы работали в ночь с 8 на 9 мая и, как всегда, побежали слушать радио. И когда в 6 часов утра мы услышали слова о капитуляции, сколько было слез радости, сколько веселья! И сколько скорби по погибшим... Все перемешалось. Нам выдали аванс, и всех отпустили по домам - в этот день мы не работали. Столько было народу на улице, что, казалось, все жители Москвы вышли из своих домов. Лица людей светились радостью, все поздравляли друг друга, обнимались, целовались, смеялись и плакали. Все было в этот день. Особое внимание было военным: их окружали, поздравляли, подбрасывали кверху на руках. Было одно большое счастье на всех.

Вечером я с подругой пошла в ЦДКА на концерт. В середине концерта на сцену вышел конферансье, прервал выступление артистов и сказал, что сейчас начнется салют. Мы все встали со своих мест и подошли к окнам, открыли шторы и смотрели на это чудо. Этот салют был самым красивым, он запомнился своей красочностью, прожекторами, аэростатами с портретами и флагами в воздухе. Это было какое-то буйство красок. Хотелось смотреть и смотреть, но кончился салют и продолжился концерт.

Раньше концерты, на мой взгляд, были куда интереснее, чем сейчас. В концертах были представлены все виды искусства: опера, оперетта, эстрада, цирк, чтецы, балет, фокусники. И артисты были замечательные. Их было не так много, но такие титаны! Это были люди какой-то особой культуры, благородства, достоинства, хотя жилось им не всегда хорошо, но они держались, и редко кто знал, что этот артист, который перед вами, страдает, ему плохо. Они никогда не показывали виду. Я всегда восхищалась мужеством и стойкостью людей. Была страшная, разрушительная война, но люди не падали духом. За какие-то два – три месяца люди срывались со своих мест, вывозили заводы, ехали в неизвестность, ставили заводы и выпускали продукцию, которая с колес шла на фронт. А крестьяне сами голодали, но отдавали все для Победы. И поэтому Победа была такой радостной, такой счастливой. Все ждали ее с надеждой закрыть эту дверь, и все начать сначала.

С окончанием войны жизнь пошла по-другому.

Нужно было жить, восстанавливать разрушенное, строить новое, и мы опять кинулись с головой в работу. Отменили 12-часовой рабочий день. Стали работать по 8 часов и с выходными.

Уже через очень короткое время отменили карточки, открылись коммерческие магазины. Можно было купить еду и одежду. В войну мы меч-

тали поесть вволю белого хлеба с маслом и попить сладкий чай. И в первое время после войны ходили в столовую, и уже не брали суп или еще чтонибудь, а брали французскую булку, 50 граммов сливочного масла и чай с сахаром.

Стали возвращаться фронтовики. Мы ходили помогать строить метро, помогали в устройстве сквера на Миусской площади. Напротив завода стоял недостроенный собор Александра Невского. Его начали строить до революции, но после 1917 г. строительство прекратили. Решено было его сломать. В один из дней, когда мы утром пришли на работу, то увидели, что в райисполкоме разбиты стекла и кое-где рухнули перекрытия. Оказывается, ночью решили взорвать собор, но он устоял, а вот соседние здания пострадали.

В апреле 1947 г. я пришла домой с работы, и дома сидел отец. У меня случилась истерика. Я не ожидала этого. Отец получил отпуск на два месяца и, хотя ему нельзя было приезжать в Москву, он все же приехал. Не предупредив никого, да и обещать он не мог, а сделал это на свой страх и риск. Конечно, я была очень рада увидеть его. Мы не виделись почти четырнадцать лет, было много разговоров, но была и тревога, что кто-то придет и заставит его уехать, или еще хуже того, опять арестуют. Но все обошлось хорошо. Двор наш встретил его очень хорошо, и хотя народ был разный, никто не заявил, и два месяца прошли как один день.

Прошло еще долгих девять лет, когда, наконец, в 1956 г. отца реабилитировали. Но семья распалась, домой он не вернулся, да и судить его за это тоже нельзя.

В 1947 г. отмечалось 800-летие Москвы, и мы, активная молодежь, готовились к этому. Мы были участниками физкультурного парада на стадионе «Динамо». Сейчас, вспоминая все это, не перестаю удивляться, как спустя два года после такой тяжелой разрушительной войны отменили карточки, восстановили разрушенное, устроили такой большой праздник в Москве, а самое главное, народ был не подавленный, а гордый.

Спасибо ему за все...

Москва 2000

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новоспасский мужской монастырь в XIV − XV вв. находился в Кремле, при церкви Спаса на Бору, во 2-й половине XV в. был переведен на левый берег р. Москвы, ниже Таганки. Являлся звеном в системе укрепленных монастырей, прикрывавших Москву с юга и юго-востока. В 1640 − 1642 гг. его деревянные укрепления были заменены кирпичными стенами с пятью башнями. Упразднен после прихода к власти большевиков. От названия монастыря происходят наименования моста, переулка, набережной и площади.

² Имеется в виду Народный комиссариат внутренних дел РСФСР, который в декабре 1930 г. был ликвидирован и руководство местами лишения свободы было возложено на Наркомат юстиции РСФСР. В июле 1934 г. был создан союзный Наркомат внутренних дел СССР, в ведение которого были переданы места лишения свободы.

³ В Новоспасском монастыре со времен Гражданской войны располагался концентрационный лагерь.

⁴ ЦДКА (Центральный дом Красной армии) – имеется в виду сад Центрального дома Красной (с 1946 г. - Советской, ныне Российской армии) в северной части Москвы, пл. 18,5 га. Создан в 1818 г. при Екатерининском институте (отсюда более раннее название – Екатерининский парк).

⁵ Профинтерн – Красный интернационал профсоюзов, международная организация профсоюзов, существовавшая в 1921 – 1937 гг. Был создан на проходившем в Москве 3 – 19 июля 1921 г. международном конгрессе революционных профессиональных и производственных профсоюзов. Стадион

волюционных профессиональных и производственных профсоюзов. Стадион получил свое наименование в честь этого события. Позднее был переименован в стадион «Буревестник».

⁶ Условия игры «Двенадцать палочек» таковы: на камень или полено клался кусок доски, с таким расчетом, чтобы получились «качели». На одном конце «качелей» размещались двенадцать небольших палочек. Водящий ударял по противоположному концу, палочки подлетали вверх. В это время остальные участники игры разбегались и прятались по двору. Водящий должен был собрать разбросанные палочки, снова сложить их на одном конце «качелей», после чего идти искать спрятавшихся товарищей. Тем временем какой-либо участник игры имел право подбежать к «качелям» и ударом по ним сно-ва разбросать двенадцать палочек. Если водящему удавалось найти кого-либо из игроков, успеть добежать до палочек и самому ударить по доске, следовал

переход «вождения».

⁷ Штандер (от нем. Stehen – стоять). По условиям игры, водящий подбрасывал вверх над головами участников игры мяч. Пока мяч находился в полете, игроки разбегались. Водящий, поймав мяч, должен был попасть им в одного из игроков. После этого водящим становился тот игрок, в которого попал мяч.

попал мяч.

⁸ Лапта — русская народная командная игра с мячом и битой. Упоминания о лапте встречаются в памятниках древнерусской письменности. Игра проводится на естественной площадке. Цель игры — ударом биты послать мяч, подбрасываемый игроком команды противника, как можно дальше и пробежать поочередно до противоположной стороны и обратно, не дав противнику «осалить» себя пойманным мячом. За удачные пробежки команде начисляются очки. Выигрывает команда, набравшая больше очков за установленное время. Игры, напоминающие лапту, существуют в других странах: например, бейсбол, крикет и другие.

⁹ Расшибалочка — игра на деньги. Столбик из нескольких монет ставилов на черте. Стоявший на определенном расстоянии от черты водящий

вился на черте. Стоявший на определенном расстоянии от черты водящий

должен был попасть битой в столбик. Если от попадания биты переворачивались какие-либо монеты, водящий забирал их себе. Чем больше монет удава-

лось перевернуть ударом биты, тем крупнее оказывался выигрыш водящего.

10 «Уйди – уйди» – игрушка, представлявшая собой резиновый шарик со вставленной в него небольшой трубкой, на конец которой надевался

рик со вставленной в него небольшой трубкой, на конец которой надевался отрезок резины. Шарик надувался, а когда воздух начинал выходить из него через трубку, надетая на нее резина издавала характерные звуки, напоминавшие по звучанию слова «уйди – уйди».

11 Мосторг – Управление торговли Моссовнархоза было создано в 1921 г. В 1922 г. реорганизовано в Московское торговое товарищество на паях (Московское государственное акционерное общество). Мосторг, помимо торговых операций, занимался снабжением коммунального хозяйства города, организаций Москвы и области строительными материалами. К 1929 г. в системе Мосторга было, кроме центрального, 9 районных универмагов, несколько магазинов строительных материалов, металлических изделий, ювелирных и других. В 1931 г. Мосторг, ставший государственным предприятием, был разделен на областной и городской; последний получил название Гормосторг. В 1937 г. он был переименован в Московский городской торг универсальных магазинов. сальных магазинов.

сальных магазинов.

12 Моссельпром — Московское губернское объединение предприятий по переработке продуктов сельскохозяйственной промышленности, учрежден в 1921 г. В его состав входили крупные государственные фабрики и заводы пищевой промышленности, типографии, картонно-ящичные фабрики. Его Центральный отдел продажи занимался оптово-розничной торговлей, имея около 20-ти магазинов. Продукция реализовывалась внутри страны и за границей. Ликвидирован в 1937 г.

13 Карточная система была введена в СССР в 1928 г. и отменена в

1935 г.

1935 г.

14 Полдни – (по В.И. Далю) середина дня, высшее стояние солнца, 12 часов, обед. В местности, где происходили описываемые автором события, употребляется в значении момента дневной дойки коров.

15 Медогонка — машина центробежного действия для откачивания меда из сотов. Изобретена в 1865 г. чешским пчеловодом Грушкой (до этого мед извлекали прессованием сотов). Медогонка состоят из наружного бака, внутреннего барабана — ротора, в который вставляют соты (рамки) с медом, и привода. Мед при вращении ротора выбрызгивается под действием центробежной силы и по стенкам бака стекает на его дно, откуда через кран вытекает наружку ет наружу.

ет наружу.

16 Бушма — брюква, двулетнее растение семейства крестоцветных.

Естественный гибрид сурепицы и капусты. Культура европейского происхождения. Возделывают, главным образом, как кормовое растение.

17 Зажигательные авиабомбы снаряжались твердыми горючими смесями на основе окислов различных металлов (например, термитом), разви-

вающими при горении температуру до 3000 ${
m C}^{\circ}$, создавали очаги пожара и поражали огнем живую силу и технику. В декабре 1935 г. в связи с введением персональных воинских зва-

¹⁸ В декабре 1935 г. в связи с введением персональных воинских званий для военнослужащих РККА, устанавливались знаки различия военнослужащих соответственно присвоенному званию. Знаки различия для лейтенанта представляли собой два квадрата с красной эмалью, размещавшиеся в петлицах и на рукавах выше обшлагов на фоне того цвета, который соответствовал данному роду войск.

¹⁹ Бронь – имеется в виду «бро́ня», принятый в обиходе термин, обозначавший право на отсрочку от призыва по мобилизации. Во время войны удостоверение об отсрочке от призыва по мобилизации выдавалось забронированным военнообязанным и призывникам. Система бронирования применялась к работникам государственного аппарата и различных отраслей хозяйства, прежде всего, промышленности и транспорта, и в персональном порядке для обеспечения бесперебойного функционирования органов государственного управления, предприятий и организаций, имевших оборонное значение. Вопросы бронирования решались ГКО, СНК СССР, а также Комиссией по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации при СНК СССР. В период войны устанавливались также отсрочки от призыва до окончания образования студентам ряда высших учебных заведений и учащимся некоторых техникумов и ремесленных училищ.

²⁰ Карточки — переход к карточной, нормированной, системе снабжения населения был осуществлен, в основном, с июля по октябрь 1941 г. и в дальнейшем регулировался в зависимости от состояний государственных ресурсов. 18 июля 1941 г. постановлением СНК СССР в Москве, Ленинграде и некоторых других городах и пригородных районах была введена продажа по карточкам основных продуктов питания и непродовольственных товаров. Нормированное снабжение хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями с 1 сентября 1941 г. было установлено в 197 городах и рабочих поселках, а с 1 ноября - во всех остальных городах и рабочих поселках страны. Для того, чтобы получить обед в заводской столовой, о котором пишет автор, необходимо было сдать определенное количество карточек, на основании которых производился расчет продуктов, отпускавшихся на приготовление обеда. Карточная система была отменена постановлением Совета министров СССР 14 декабря 1947 г.

²¹ «Катюша» – народное название реактивных систем, находившихся во время Второй мировой войны на вооружении реактивной артиллерии. Существует несколько версий происхождения этого названия, однако наиболее вероятные из них связаны с заводской маркой (буквой «К») на первых боевых машинах, изготовленных Воронежским заводом им. Коминтерна, и с популярной во время войны одноименной песней М.И. Блантера на слова М.В. Исаковского.

М.В. Исаковского.

²² «Лимонка» – принятое в обиходе название оборонительной осколочной гранаты типа Ф-1, по форме напоминающей плод лимона.

- ²³ Аэростаты заграждения вид противосамолетных заграждений. Широко применялся для защиты городов, промышленных районов и других объектов от атак авиации. Действие аэростата было рассчитано на уничтожение или повреждение самолетов при столкновении (особенно в ночное время или облачную погоду) с тросами, оболочками аэростатного заграждения или подвешенными на тросах зарядами. Аэростаты вынуждали самолеты противника летать на больших высотах и затрудняли прицельное бомбометание с пикированием.
- ²⁴ Введенная в 1927 г., статья 58 Уголовного кодекса РСФСР (содержала 14 подпунктов) предусматривала длительные сроки заключения, конфискацию имущества и смертную казнь за различные виды преступлений против Советского государства («контрреволюционные действия», «вооруженное восстание», «сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством» и т.д.); в ходе массовых репрессий 30-х гг. наиболее часто применялся подпункт 10 – «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти». ²⁵ ОТК – отдел технического контроля.

- ²⁶ Медаль «За оборону Москвы» была учреждена 1 мая 1944 г. Ею награждались военнослужащие и гражданские лица, принимавшие участие в обороне Москвы. Медаль круглая, диаметром 32 мм. На лицевой стороне изображена Кремлевская стена, танк с группой бойцов, памятник Минину и Пожарскому, купол здания Верховного Совета СССР. В верхней части надпись: «За оборону Москвы»; на оборотной стороне – «За нашу Советскую
- Родину». Медалью награждено свыше 1 млн. человек.

 ²⁷ Займы государственные разновидность кредитных отношений, в которых государство (или его местные органы) выступает заемщиком или кредитором. Займы военных лет (1-й – 4-й) сыграли важную роль в финансировании военных расходов государства в период Великой Отечественной войны.
- ²⁸ 57-тысячная колонна немецких военнопленных была проведена через Москву 17 июля 1944 г.